

**«РОДИНА – ЭТО МИНИМУМ КРАЙ...»:
К ПРОБЛЕМЕ ЛОКАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРА**

Значение Кольского Севера, как и всякой территории, которая воспринимается и обозначается в качестве относительно целостной, в истории страны определяет множество факторов: геополитических, природно-ресурсных, историко-культурных и т.д. При этом любая оценка роли того или иного пространства неизбежно субъективна (что, в свою очередь, представляет объективную данность), поскольку осуществляется с позиций определенного социального опыта или идеологии. Утверждение, что Север – как символическая территория, идея, особая среда обитания и совокупность социальных практик – сыграл особую роль в судьбах России, отдельных народов, семей и людей, кажется вполне очевидным. Важно определить в каждом конкретном случае, из чего складывается та или иная система оценок и представлений. Это обращает нас к необходимости анализа разных точек зрения, принадлежащих своему времени, поколению, сообществам или индивидам.

Безусловно, мнение о территории, ее осмысление и оценка в высшей степени зависят от причастности к ней субъекта, характера его контактов с пространством, географическим и социальным, от биографического опыта и одновременно – от культурной традиции, в рамках которой осуществляется конструирование реальности.¹ Исходя из этих позиций, мы и предприняли исследование того, как воспринимается представителями сегодняшнего молодого поколения жителей Кольского Севера место их проживания, играет ли оно какую-либо роль в их самоопределении. Существенным аспектом данной проблемы видится то, насколько потомки недавних мигрантов, т.е. большинства населения края, воспринимают место жительства «своим», «родным» – «родиной».² На наш взгляд, с концептуализацией и переживанием «малой родины» связаны и характер включенности в те или иные виды деятельности, и ощущение стабильности (социальное самочувствие) индивида и локального сообщества, и степень лояльности по отношению к другим регионам и их жителям, и многие другие координаты существования человека и общества.

В известном исследовании И. Сандомирской, посвященном идеологическим и повествовательным стереотипам текстов о «Родине» и «малой Родине» в русской культуре, хорошо показано, как влияет на осмысление и репрезентацию данных понятий официальный патриотический дискурс.³ Мы попытались рассмотреть вопрос в несколько ином ракурсе: как происходит интериоризация места проживания и одновременно – категоризация «малой Родины» людьми, которые принадлежат к определенному поколению носителей данной культуры и живут на территории, освоенной относительно недавно. Адаптация к месту здесь происходит фактически на наших глазах – на протя-

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. - М., 1995.

² Исследование выполнялось в 2005 г. Центре независимых социально-антропологических исследований Северо-запада (г. Апатиты) в рамках проекта «Координаты социального самочувствия молодежи: стереотипы и реалии» при финансовой поддержке независимой организации «Гуманистическое движение молодежи».

³ Сандомирская И. Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. – Wien, 2001.

жении жизни двух-трех поколений семей. Обстоятельства заселения края, специфические средовые условия, современная социально-экономическая ситуация, инициативы власти способствуют тому, чтобы край воспринимался как место «временной дислокации» (по высказыванию одной из наших респонденток). Тем не менее мы, с одной стороны, наблюдаем очень разные, расходящиеся до полярности, типы оценок, формы восприятия и степени присвоения / отторжения места, с другой стороны, отчетливо видим известные тенденции.

В качестве объекта исследования выступали жители Мурманской области, преимущественно горожане, в возрасте от 17 до 35 лет, у которых мы брали устные и письменные интервью.¹ Дополнительный материал представили ситуативные устные и письменные высказывания респондентов на интересующую тему.²

Содержание и границы понятия

Одним из результатов исследования можно считать вывод о том, что вариативность содержания и границ понятия «родина», с точки зрения респондентов, незначительна. Формулируя основной вопрос, интервьюеры намеренно не конкретизировали понятие «родины» как «малой», позволяя респондентам самим высказаться на данную тему. Уточнение делалось лишь в случае необходимости. Несмотря на это обстоятельство, многие опрошенные в ходе рассуждений уточняли исходное понятие, разграничивая, с одной стороны, собственно родину как «свое» место в мире, пространстве и, с другой стороны, родину как страну, Отечество. При этом наблюдается как сопоставление, так и противопоставление данных концептов, что отчасти подтверждает утверждения И. Сандомирской о различии Родины – фетиша государственности и малой Родины как «апофеоза локального сознания» и о том, что в условиях глобализации государственные «Родины» уступают место локальным самоидентификациям.³

У всех без исключения респондентов первая ассоциация с обозначенным понятием – «свое» место, т.е. малая родина. Не более трети опрошенных вслед за определением начинали рассуждать о родине-России, у остальных такой ассоциации не возникало. При этом пространственные границы родины варьируются, главным образом, в пределах «населенный пункт – край»: «Своей малой родиной я считаю город Мончегорск – место, где я родился и вырос» (М., 22 г.); «Я считаю своей Родиной г. Мурманск. Здесь я родилась, и вся моя жизнь прошла в Мурманске» (Ж., 21 г.) и т.п. У отдельных респондентов выстраивается закономерная иерархия: «Ну, как... родина – это Кольский полуостров, Россия, город Алатиты. Но нет, город это как бы что-то слишком узкое. Нельзя сказать, что родина – это город, наверное, для меня это край, можно так выразиться. Минимум край, я так считаю» (М, 18 л.); «В макро-смысле родиной моей будет Россия, в микросмысле родиной моей будет да-

¹ Устное интервьюирование проведено А.А. Данилиной, письменное – И.А. Разумовой.

² В качестве сравнительного материала использованы тексты из архива Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН – записи бесед и интервью с молодыми респондентами и самозаписи на тему, связанную с родным городом (интервью взяты в 2003-2005 гг. у жителей г. Алатиты, Кировск, Снежногорск, Мончегорск, Полярные Зори). Далее при цитировании указываются пол и возраст респондентов.

³ Сандомирская И. Книга о Родине. С. 17-19.

же не конкретно город Апатиты, ну, Мурманская область» (М, 24 г.). Для многих молодых людей родиной, в первую очередь, является край, обозначаемый как «Кольский полуостров», «Север», «Крайний Север», «Мурманская область». Для другой, также многочисленной, категории родина – это город.

В целом можно считать, что родина для молодых людей – понятие многоуровневое: «Вот мы сейчас учимся в высшем учебном заведении, чтобы потом тоже представлять свою родину на каком-то уровне: на областном, там, на региональном, да на любом – на мировом. То есть пытаться, чтобы наша родина была самая передовая, самая лучшая» (М., 22 г.). При этом Родина – Россия представляет собой максимально абстрагированный его уровень.

Родина как страна

Определение «большой» родины ситуативно и связано: а) с ситуациями, кризисными для страны в целом, б) с ситуациями, повышающими ее статус, и в) с гипотетическими индивидуально-биографическими ситуациями перемещения за пределы страны: «Когда, например, угроза национальной безопасности, какие-то военные действия, долг каждого гражданина – защитить свою родину» (М., 22 г.); «Я не считаю, что родина – это что-то такое там <...> надо под танки, под пулеметы идти... Нет, ну если сильно понадобится, то можно и пойти, конечно, если сильно понадобится» (Ж., 29 лет); «Хотя Россия тоже, конечно, родина. Если бы я случайно оказался в какой-нибудь далекой стране – Новой Зеландии – и услышал бы, что Россия запустила орбитальную станцию, то испытал бы чувство гордости. А это ведь к Кировску отношения не имеет. А это значит, что в каком-то смысле орбитальная станция для меня тоже родина российская» (М., 29 л.).

То, что большая родина – это абстракция, сознают сами респонденты. Данный факт связан, во-первых, с тем, что отсутствует эмпирический опыт освоения той территории, которая является «родной страной». Родина воспринимается как категория пространственная, и ею может быть только освоенное пространство: «То есть родина – это, наверное, то место, с которым связаны твои первые воспоминания, а так как первые воспоминания связаны с тем местом, где ты вырос, значит оно и будет твоей родиной: город, село, поселок. То есть твои воспоминания не будут связаны со всей страной. Например, я никогда не был на Байкале или во Владивостоке, значит ни Байкал, ни Владивосток не являются моей родиной» (М., 29 л.). Отсутствие эмпирического опыта можно компенсировать соответствующими знаниями о стране и отдельных (отдаленных) ее местностях, но, как демонстрируют интервью, а также данные других исследований, у современных молодых людей таких знаний недостаточно. Их в настоящее время не предоставляют ни система общего образования, ни СМИ.

Родина – это то, что воспринимается эмоционально. Одним из средств формирования такого отношения является ритуалистика. Стимулирующее воздействие оказывают мемориальные мероприятия, посвященные важным для судеб страны историческим событиям: «Ну, вот пример такой просто: Великая Отечественная война, да? И вот из каких-то семейных рассказов, из фильмов, из книжек, прочитанных когда-то... Вот сейчас было 60 лет Победы. Ну, растрогали меня до глубины души вот эти парады, эта минута молчания, то есть какие-то чувства очень счастливые. Это в нашем поколении, может быть в следующих поколениях...» (М., 22 г.).

В первую же очередь, эмоциональное отношение к родине-стране формируется за счет культурных ассоциаций – литературно-художественных, исторических и т.д. Обращает на себя внимание крайне ограниченный круг этих ассоциаций в интервью наших респондентов. Единственная повторяющаяся отсылка – фраза песни «С чего начинается Родина». Такая ситуация связана с особенностями современного образования, его прагматизацией. Сказывается сужение круга чтения, в частности, недостаточное знание «классики», которая аккумулирует базовые общенациональные культурные ценности. Только у одной из респонденток возник вполне стереотипный образ «есенинской России», причем он сразу же вызвал критические рассуждения: «И вот тогда как бы тоже я это чувствую – родину, понимаете, родину. Она у Есенина в стихах. А они так тут все испортили это чувство, вот фильмом этим. И Безруков все равно никакой не Есенин, а Саша Белый, и как будто про бандитов и про наше время фильм, а не про того, кто вот про родину, про те самые большие деревья, про забор, травинки, как будто то, что я и чувствую... А они так... Это чему они учат, это что будут думать дети про нашего великого поэта... Да, кстати, и про родину тоже» (Ж., 26 л.).

Этнокультурный фактор определения родины обозначается респондентами как «менталитет», под которым понимаются и тип мышления, и образ жизни: «Для большинства людей это, скорее, страна, потому что, ну, как бы в определенных странах существуют там, ну, свои устои, менталитет, вот, как бы. А место, где человек родился, все равно существуют как бы правила, устои жизненные, которым он следует, и к которым он привык. Ну, как бы человек может и город, и страну называть своей родиной. <...> В городе, э-э, существуют свои какие-то наиболее мелкие вещи, к которым человек привык. А родина, ну, это, как-то в общем понятии можно сказать, ну? менталитет. Там, если ты переезжаешь из страны в страну, гораздо сложнее привыкнуть, чем если ты переедешь из города в город» (Ж., 18 л.).

Объединяет представления о большой и малой родине ассоциация с привычным, повседневным, комфортным (прежде всего, в психологическом плане) существованием: «А возвращаешься в свою страну, и ты, естественно, возвращаешься в свою среду, в то место, к которому ты наиболее привык. И причем это не обязательно, что мне здесь уж очень нравится, просто привычка» (Ж., 18 л.).

Родина как биографический факт

Для всех респондентов родина – это, в первую очередь, эмоционально-психологическая категория. Она связана с местом рождения постольку, поскольку место рождения – в соответствии с определенным типом сознания – определяет сущность человека: «То же самое, как и у человека: допустим, где ты родился, уже программа какая-то есть, и она сохраняется, что есть такое место... Уедешь ты, например, в Америку, уедешь ты, например, в Африку, а все равно это ощущение родины всегда остается. Первые секунды, может быть, первые годы жизни – они запоминаются на всю жизнь. Вот это и есть ощущение родины, я так считаю...» (М., 18 л.).

Вместе с тем связь с местом рождения отнюдь не обязательна. Главное – это некий свой, внутренний мир, и не имеет значения, родился ты там или нет, это то, что всегда при тебе: «Родина – это нечто для каждого человека свое. При этом не обязательно какое-то географическое место. Это совокуп-

ность, скажем так, географического места и ощущений человека от этого места, каких-то впечатлений, которые человек получал от него. Не обязательно то место, где он родился. А получается это именно из-за ощущений человека» (М., 24 л.).

Понятие родины и представление о ней проецируются на жизненный путь индивида. Это первые впечатления детства, данные в ощущениях и переживаниях. При этом символика предельно индивидуализирована и представлена эмоционально-телесным рядом, т.е. в совокупности зрительных, акустических и иногда даже тактильных образов-ощущений: «Мне кажется, моей родиной является Кировск, с ним связаны первые воспоминания детства: тени на снегу от фонарей – одна тень оранжевая, другая темно-синяя. Не темно-синяя, а голубая, когда идешь куда-нибудь зимой. И такое настроение, не знаю, словами не передать. И звук еще такой, как жужжит старая пленка, только более звенящий <... > И дома такие грязно желтые, а над домами, еще дома, а уже над теми домами горы белые и черные. Вернее черно-белые. А над ними белесое низкое небо, иногда светится разными цветами» (М., 29 л.). Часто респонденты ставят рядом два понятия: «родина» и «воспоминания». Таким образом, понятие приобретает специфическое временное измерение, причем автобиографическое.

С конкретными биографическими обстоятельствами, главное из которых – миграция, связано и такое явление, как переопределение родины в течение жизни («две родины»): «Я родился и вырос в городе Ковдор. С ним связаны все воспоминания о моем детстве, о моих школьных годах, воспоминания о своих друзьях, тех людях, которые были рядом со мной. То есть все мои позитивные, негативные моменты жизни связаны с городом Ковдором. <...> Я здесь нахожусь уже полтора года, и, в принципе, Апатиты сейчас тоже становятся для меня родиной. То есть не в таком широком смысле, конечно, но здесь у меня появились новые друзья, новые знакомые, и, когда я долго не нахожусь в городе Апатиты, мне опять хочется сюда вернуться» (М., 22 г.).

Можно утверждать, что родина связывается не столько с местом рождения, сколько с этапом (или этапами) социализации, первого жизненного опыта – ощущений, эмоций, впечатлений, общения с людьми.

Неоспорима связь понятий «родина» и «дом». Это освоенный и безопасный мир, куда всегда возвращаются, причем ассоциируется он почти исключительно с микросоциумом: «Но все-таки, вот эти мои друзья, даже теперь, когда у всех семьи, дети и все такое, но только потому, что они есть где-то и я могу в любой момент их встретить, как-то знаете, тепло от этого, как бы защищенность, что ли, такая» (Ж., 26 л.). Прежде всего, это близкое окружение – родственники, друзья (на них указывают едва ли не чаще, чем на родственников), соседи: «Когда я уезжаю отсюда, я грущу. И уезжать я не хочу. <...> Ведь здесь не только город. Я лично думаю, что люди – вот что главное, мои друзья, пусть тут их по пальцам пересчитать можно». (Ж., 29 лет). Поясняя, почему он считает родиной Мурманскую область, а не отдельный город, один респондент отметил: «В отдельных городах – это хорошие знакомые, в других городах – это родные, к которым можно всегда прийти, переночевать, там, выпить и так далее. То есть тут не место все определяет, а именно люди» (М., 24 г.). Вместе с тем это и жители своего города, края, которые воспринимаются как особое сообщество. В ряде высказываний четко выражена

идея о том, что на севере (Крайнем Севере и т.д.) люди не такие, как в прочих местах, а более дружелюбные, сплоченные и т.д.

Социальные характеристики малой родины не просто значительно важнее этнических, но заменяют их. Этническое (т.е. в нашем случае – «русское») возникает только при определении «большой» Родины. На основании одного исследования пока нельзя делать вывод, насколько эта ситуация универсальна. По предположению, она более характерна для регионов подобного типа: с мобильным населением, осознающим себя потомками мигрантов, у которого ослаблено переживание этничности и «укорененности».

«Родины» разных поколений

Обращает на себя внимание, что у значительной части респондентов их родина не совпадает не только с «родиной предков», но и с родиной родителей. Оппозиционными следует признать такие утверждения: 1) «Мои родители – коренные мурманчане. Мои бабушка с дедушкой переехали в этот город еще в юности, так что несомненно вся моя жизнь связана с Мурманском» (М., 20 л., ур. г. Мурманска); 2) «Мурманск не может быть родиной моих предков, т.к. все здесь люди приезжие. Мой дедушка приехал сюда из Перми ...» (Ж., 21 г.). Совпадения в определении родины своей и родителей, когда они присутствуют, относятся к региону и лишь в единичных случаях – к конкретному городу: «Так как я родилась и всю жизнь прожила в Апатитах, то они для меня и есть родина. Кроме того, мои родители тоже родом с Севера, поэтому уж действительно корнями здесь приросли» (Ж., 24 г.).

Почти все опрошенные респонденты считают своей родиной либо Кольский Север, либо определенный город. Они осведомлены не просто о фактическом месте рождения родителей, но и об их субъективном определении родины. Это знание не мешает молодым людям ориентироваться на «собственную» родину: «Родиной моих предков является Краснодарский край. Там и сейчас проживает много моих родственников. Я уверен, что мои родители считают Родиной именно Юг России» (М., 21 г.); «С родиной моих родителей она не совсем совпадает. Мама считает своей родиной то село Ульяновской области, где она родилась и где живет большинство ее и моих родственников с ее стороны. Когда-нибудь мама тоже уедет туда, поближе к родне, и проживет остаток жизни там» (М., 20 л.) и т.п.

Из суждений респондентов явствует, что молодое поколение осознает себя (и является) вполне адаптированным к краю и достаточно укорененным – безотносительно к факту «происхождения». Нередко установки молодых в отношении миграции расходятся с таковыми у родителей, более склонных к переезду – возвращению на «историческую родину». Таким образом, происходит переопределение родины в границах не только расширенного родственного сообщества, но «малой» нуклеарной семьи. Данное явление может условно назвать поколенческим сдвигом локальной идентификации – по аналогии с «языковым сдвигом», концепция которого разработана Н.Б. Вахтиным.¹

Наблюдается ситуация, когда не только «родина предков», но родина родителей – историческая категория, а своя родина – нет. Если она и относится к прошлому, то к индивидуально-биографическому, а не семейно-

¹ Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига. – СПб., 2001.

родовому или, тем более, этническому. Для наших респондентов родина располагается в настоящем времени. Показательно такое, например, утверждение: «Вот мой муж вообще говорит, что родина у него там, где мы с Анютой <дочь>» (Ж., 26 л.). Из него следует, что если родина и ассоциируется с «родом» (семьей), то, скорее, у нее есть перспектива, чем ретроспектива.

Согласно нашей гипотезе, данное обстоятельство типично для жителей регионов, подобных Мурманской области. Уяснение его должно способствовать разработке более корректной, чем в настоящее время, миграционной политики в отношении северян и жителей отдельных регионов Севера.